

В. Б. Мелас

ПРИЗНАННОСТЬ И ЛОГОС

В настоящей работе мы осуществим анализ понятия логического, исходя из феноменологической теории сознания, уже развивавшейся нами и основанной на категориях переживания и действия (1). Мы покажем, что характеристики сознания, обнаруженные нами, некоторым образом

переводятся на уровень логического и открывают новые горизонты для исследования.

1. Резюме теории переживания и действия

В работе «Переживание и действие» (1) введено понятие интервала сознания. Как видимый внешний мир непосредственно воспринимается нами не как хаотический набор цветowych пятен, а как организованный в определенных предметных типовых формах — в виде гор и лесов, рек и равнин, камней и деревьев, различных инертных и одушевленных тел, также имеющих определенный тип, так и жизнь нашего сознания при попытке ее вспомнить и проанализировать представляется нам в виде отдельных фрагментов, обладающих внутренней целостностью, связанных между собой, но имеющих и самостоятельное значение — в виде переживаний. Однако термин «переживание», хотя и подходит во многих отношениях к этим единицам сознания, не является общепринятым и перегружен различными двусмысленными толкованиями. Потому будем называть эти основные единицы сознания интервалами сознания. Именно вспоминаемость есть основная характеристика интервала сознания, так как благодаря ей он доступен анализу. Интервал сознания дан по крайней мере дважды. Один раз — как таковой, и в этой своей непосредственной форме он принципиально не доступен анализу — в процессе переживания анализ его как целого невозможен и, если только это не специфически когнитивное переживание, в принципе чужд ему. Но в теоретическом припоминании мы имеем интервал как целое.

Интересно отметить, что в своих работах Гуссерль, по-видимому, весьма близок к выделению основной единицы сознания именно в этой форме. Читаем в «Начале геометрии»: «В пассивность сначала темного пробужденного содержания, становящегося при случае все более ясным, входит и возможная активность повторного воспоминания, в котором прошлое переживание как бы заново и активно переживается» (2). На то, что это не есть какое-то случайное высказывание, а существенный момент размышлений Гуссерля, указывает дальнейшее замечание: «Исторический мир, конечно, пока преддан как общественно-исторический мир. Но историческим он является только через внутреннюю историчность каждого отдельного индивида, и отдельного в его внутренней историчности с другими объединенными лицами. Здесь следует вспомнить то, что мы в беглых начальных размышлениях сказали о воспоминаниях и о постоянно заключенной в них историчности» (3).

Однако Гуссерль никогда тематически не ставил задачу исследования переживаний, а точнее, интервалов сознания во введенном нами смысле — как целостных фрагментов сознания индивидуума, постоянно доступных

ему как (да и данных как) воспоминания. Постоянно используемый Гуссерлем термин «переживание» понимается прежде всего и почти исключительно как переживание некоторой идеальной или реальной предметности, будь то математический объект или физический предмет, данный чувственному созерцанию. Однако переживание в этом смысле вторично, оно не носит характера микрокосма, а всегда выступает в рамках другого переживания. Например, созерцание архитектурного комплекса выступает как фрагмент переживания «прогулка по городу», а мысль о фигуре треугольника — как фрагмент попытки доказательства некоторой теоремы.

Более того, даже переживание собственного Я вовсе не является переживанием во введенном нами смысле. Например, свою телесность мы осознаем лишь в рамках некоторых специфических ситуаций, в особенности переживания голода и боли. Поэтический язык дает более адекватное представление о переживании: «В том, что я говорю, смысл на третьем месте, на первом месте — ты, а на втором — любовь» (Сирано де Бержерак). И это еще проблема, как на базе переживания может возникнуть теоретическое мышление.

Заостряя наш тезис, мы можем сформулировать его следующим образом: как Фалес утверждал, что все есть вода, так и мы говорим: все есть переживание. А если быть более точным, то надо сказать: все есть прежде всего переживание, а уж потом что-то еще. Это значит, что всякий предмет дан нам (первоначально) как часть некоторого переживания.

Мы еще вернемся позднее к различию между феноменологией Гуссерля и нашим подходом.

В нашей работе «Переживание и действие» мы говорили о двух основных типах интервала сознания: переживании и действии. Одним из способов их различения является сравнение внешне наблюдаемого поведения человека и его отчета. В случае переживания последний является единственным аутентичным источником. Кто-то сидит и спокойно размышляет или, скажем, перво ходит по комнате. И лишь из его сообщения (если оно искреннее) мы можем узнать, что он при этом думает и чувствует. Иное дело спортсмен, пробегающий дистанцию, или математик, решающий задачу. Здесь внешне произведенное действие, результат, в каком-то смысле говорит сам за себя*. В чем причина этого различия?

В переживании установлена некоторая дистанция. Под дистанцией мы понимаем «отсутствие непосредственного доступа к предмету переживания»

* Конечно, рассматривая решение математической задачи как действие, мы должны в качестве внешнего наблюдателя выбрать самого субъекта, которому это действие дано в качестве воспоминания. Вспоминая действие, мы вовсе не должны отождествлять свое нынешнее Я с прошлым Я, как это происходит при припоминании переживания.

ния» (4). Существуют различные типы дистанций. Например, пространственно-временная дистанция. Она выступает в переживании возможного события в будущем или случившегося в прошлом. Кто не мечтал о путешествии? Каждому знакомы переживания, вызванные отсутствием близкого человека, переживания ожидания или обиды. Однако и в присутствии предмета или другого человека мы способны не только действовать, но и переживать. Это обусловлено другими видами дистанций — социальное неравенство, неготовность к действию, отсутствие возможности помочь или неспособность выразить себя. Дистанция неготовности имеет огромное значение. Подросток мечтает быть взрослым, писатель испытывает муки чистого листа, ученый не может найти подход к решению проблемы — все это неустранимые реалии нашей жизни и постоянные источники переживания.

Но вот колебания отброшены, выбран путь к действию. Но всегда остается риск ошибочности решения, которая, будучи обнаружена, бросает нас в пучину переживания.

И все-таки мы действуем — время от времени. В чем же сущностная характеристика действия? Его открытие или, по крайней мере, четкое описание принадлежит Шюцу (5). «Действие — это поведение, обусловленное проектом» или, в наших терминах, интервал сознания, в котором дистанция выступает как проект. Все же не будем называть проект дистанцией, так как он не удаляет от предмета, а обеспечивает доступ к нему.

Шюц определяет проект как «образ ситуации, какой она должна стать по завершении действия». Однако эта характеристика представляется недостаточной. Сам Шюц указывает на простые шаги, которые необходимо осуществить для достижения цели, т. е. проект включает в себя план действия. Поскольку мы действуем строго по плану, мы представляем собой мыслящие автоматы. Однако при осуществлении каждого шага могут обнаружиться (и это есть неустраняемая характеристика любого плана) неизвестные ранее детали, неучтенные обстоятельства. Лишь в идеале действие есть действие по точно определенному плану. Поэтому действие всегда имеет риск быть неудачным и превратиться в переживание. Кроме того, проект подразумевает готовность к действию. Можно строить сколько угодно планов, но они останутся пустыми мечтаниями без решимости их осуществить. Что же такое готовность?

Это не есть простая возможность. Мы, например, говорим, что камень «готов упасть». Однако, это — скорее — метафорическое употребление слова. Все же в данном случае имеется в виду, что камень находится в таком положении, что достаточно небольшого толчка для его падения. Под готовностью следует понимать такое состояние субъекта действия, когда достаточно принять решение, чтобы начать действовать. Итак, дей-

ствие подразумевает проект — как совокупность замысла, плана и готовности, и решение — как запускающий механизм.

В переживании, очевидно, нет всех этих элементов. Нет готовности переживать (хотя присутствует некоторый вид предготовности, связанной с определенным воспитанием и предшествующим жизненным опытом). Нет замысла и плана, нет и решения.

В свете этого анализа уместно вспомнить, что сам термин «переживание» был введен в обиход Дильтейем, а затем стал общим местом в биографиях писателей и повседневных европейских языках (6). Для Дильтея прототипом любого переживания является эстетическое переживание. «Эстетическое переживание — это не только вид переживания, существующий наряду с другими, но и репрезентация самого существа переживания вообще. Как художественное произведение в качестве такового является миром-для-себя, так и эстетически пережитое в качестве переживания отторгается от всяких связей с действительностью. Как кажется, определением художественного произведения можно считать его свойство становиться эстетическим переживанием, что, однако, означает, что переживающий одним ударом вырывается благодаря власти искусства из последовательности своей жизни, но одновременно с этим ему указывается связь со всей целостностью бытия» (7).

В этом подробно процитированном отрывке Дильтей фиксирует ряд важнейших характеристик переживания: его целостный характер (сопоставимый с целым нашей жизни), его внутреннюю неограниченность и возможность рассмотрения как такового (вне связей с «действительностью»). Однако ряд существенных характеристик ускользает от внимания Дильтея. Именно то, что переживание существует в качестве воспоминания, а также вся его (априорная — в терминах Канта-Гуссерля) структура.

Эта структура выявляется лишь через оппозицию переживание — действие. В самом деле, исходом переживания является некоторая готовность к некоторому действию. Этой готовности больше и неоткуда возникнуть. Кроме того, переживание обладает свойствами предпосылочности, экстаичности, эгоцентричности и символичности.

Под предпосылочностью переживания мы имеем в виду те аспекты ситуации, которые скрыты от переживающего (в момент переживания), но подразумеваются, или, хотя и даны самому переживающему, но как само собой разумеющиеся, нетематические. В самом деле, рассмотрим, например, переживание возможного провала на экзамене. Я могу его переживать (всерьез) лишь постольку, поскольку я являюсь студентом и хочу им оставаться, хотя и не думаю об этом прямо. Как только необходимость оставаться студентом становится проблематичной, переживание возможного провала, если и длится все же, то приобретает существенно иной смысл. Мы полагаем, что предпосылочность переживания может

рассматриваться как прототип кантовского априори. Эту и другие характеристики переживания мы открываем, используя прием эйдетической редукции Гуссерля: варьируя различные конкретные переживания в воображении и выделяя их неустраимые черты.

Что мы понимаем под экстатичностью переживания? «В переживании положена некоторая дистанция, предмет переживания непосредственно не доступен сознанию. Но сознание стремится преодолеть эту непреодолимую дистанцию. . . В переживании сознание стремится (и не может, а точнее может, но неудовлетворяющим его способом) выйти за пределы налично данного. Это свойство переживания мы будем называть экстатичностью, от слова экстаз, понимаемого как выход, который не является выходом. Переживание стремится выйти за рамки себя самого — к предмету, событию, окунуться в стихию действия. Оно и выходит за свои пределы путем решения и волевого усилия и — заканчивается в качестве переживания» (8).

Под эгоцентричностью мы понимаем представленность в переживании (тем или иным способом) самого переживающего субъекта. (Не в этом ли — если смотреть с наших позиций — смысл картезианского *cogito ergo sum?*)

Под символичностью переживания мы понимаем его скрытую соотнесенность с другими переживаниями. Волнуюсь из-за пустяка — не потому ли, что этот пустяк символизирует что-то другое, более существенное.

Эти же свойства можно обнаружить и во всяком действии. Действию предпосылочно, так как подразумевает возможность осуществления. Действие экстатично, так как направлено на преодоление текущей ситуации (хотя и радикально иным способом, нежели переживание, а именно путем фактического изменения положения дел). Действие эгоцентрично, в том смысле, что оно подразумевает действующее лицо. Наконец, действие символично, по крайней мере в том смысле, что оно свидетельствует о своем проекте, который, как таковой, скрыт от наблюдения.

Но есть и другая существенная разница между переживанием и действием. Переживание эмергентно в смысле спонтанности проявления своих аспектов. Действие последовательно, оно в принципе невозможно без некоего плана, неустраимой последовательности отдельных операций. Как заметил когда-то Гильберт, если мы не можем решить некоторую математическую проблему, то это значит, что мы где-то пропустили необходимый элемент.

Вернемся еще раз к понятию дистанции. Это понятие вводилось в литературе многократно. Однако здесь мы остановимся лишь на том, как его вводит Хайдеггер в своей критике Гуссерля (9).

Хайдеггер обращает внимание на то, что созерцание определяется некоторой дистанцией. В самом деле, в повседневной жизни вещи даны

нам как предметы окружающей обстановки, с которыми мы умеем обращаться, но которые не вызывают нашего особого внимания. Это обеспечивается доступом к вещам: мы можем не только видеть, но и трогать их, переставлять и переделывать в процессе использования (т. е. в нашей терминологии, в процессе осуществления действия над ними). Лишь эпизодически возникает преграда, обусловленная специфическими причинами. Именно ситуация, когда я отказываюсь от утилитарного отношения к вещи, является предпосылкой созерцания.

Но это верно по отношению к любому переживанию. Некоторая предрасположенность есть совершенно неизбежный момент всякого переживания.

Вернемся к вопросу об эстетическом переживании как возможном прототипе всякого переживания. Мы не разделяем этого тезиса. Прототипом для всех форм переживания нам представляется предварительное переживание — так мы называем переживание реально возможного события в ближайшем будущем (слово «ближайший» здесь вовсе не случайно, так как существует принципиальная разница между ближайшим и отдаленным будущим, которая фиксируется в повседневном (и не только) языке словом «актуальность»). Конечно, это не есть дело вкуса или свободного выбора. Когда материалисты или позитивисты выбирают ощущение (которое, конечно, есть переживание и притом не самое важное) как исходный пункт, то в качестве одного из возражений можно указать на наивность, с которой они полагают, что это не требует аналитического обоснования. Например, утверждение «материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях», означает не что иное, как выделение ощущения в качестве прототипа всех переживаний; то же относится и к тезису «тела есть комплексы ощущений». Мы утверждаем, напротив, что ощущение есть лишь неразвитая форма восприятия и является, скорее, атавизмом, чем чем-то существенным.

Предварительное переживание доставляет, по сравнению с иными типами, важное средство анализа. То, что переживается (предварительно), согласно самой своей сути, время от времени переживается и еще раз — уже как «действительное» переживание (мы берем это слово в кавычки, так как несмотря ни на какую действительность, смысл которой еще только предстоит определить, переживание остается переживанием).

Прежде всего, ситуация в предварительном переживании выступает так, как если бы она была полностью реальной, т. е. действует принцип тождества: предварительное тождественно действительному. Именно это обстоятельство является основой переживания. Стоит, например, на минуту задуматься: «А не мнимость ли все это?», как переживание (при-) останавливается. Другой важной особенностью предварительного переживания является то, что оно имеет хотя и преувеличенные, но все

же реальные основания. В случае переживания возможного провала на экзамене в самом деле имеются по крайней мере необходимость сдачи экзамена и ощущение неготовности. Переживание, таким образом, ангажировано реальной ситуацией. Смыслом такого переживания (и обычным исходом) является как раз выработка волевого усилия для необходимой подготовки.

Анализ предварительного переживания выявляет и еще одно важное обстоятельство. Переживание (и не только предварительное) выступает как средство согласования внутреннего и объективного времени. Объективное время (измеряемое обычными часами) необходимо для intersubъективного взаимодействия. Но внутреннее время переживания как длительность* в каждом переживании имеет свою собственную структуру. Предварительное переживание позволяет вписаться в график жизни; для одного и того же дела различным людям нужно различное время на подготовку. И функцией переживания является соответствующая структуризация расхода ресурсов (объективного) времени. К тому, что для меня важно, я буду обращаться вновь и вновь — сначала в предварительном переживании, а затем в воспоминаниях. Но то, что для меня скучно, то в воспоминаниях сжимается или вовсе исчезает. Переживание развертывает важные (для меня) аспекты и опускает несущественные.

Вопреки Дильтею отметим, что предварительное переживание является прототипом эстетического. Здесь важны прежде всего следующие моменты. В предварительном переживании огромную роль играет воображение, с помощью которого домысливаются неизвестные моменты ситуации, предстоящего события. Вместе с тем пафос переживания базируется на идентификации переживаемой ситуации с (будущей) реальностью в той же степени, в какой мы принимаем Евклидову геометрию за реальную геометрию окружающего пространства. Аналогичным образом эстетическое переживание по поводу пьесы или романа отталкивается от (обычно) не осознанного отождествления себя с лирическим героем. И если я еще могу отличить себя от него, то это гораздо сложнее сделать в отношении обстоятельств, которые представляются мне моими и реальными.

Конечно, такие формы эстетического переживания, как наслаждение пейзажем, не имеют подобной структуры, но они и не выступают как микрокосмы, как некий эквивалент жизни в целом.

Переживание обладает индексом реализации, ему всегда недостает чего-то от действия. Но и действие зависимо от переживания. Действие обладает индексом интерпретации, ему всегда недостает чего-то от пере-

* Под длительностью мы имеем в виду понятие *durée* Анри Бергсона, которое было не чем иным, как открытием особой временности переживания.

живания. Только переживание обладает смыслом как своим свойством. Действие — в чистой форме — операционально. Его смысл сводится к последовательности, а также к смыслу проекта, который, как таковой, дан только в переживании.

Наконец, нужно отметить следующее обстоятельство, указанное уже Джемсом: один и тот же (а что это означает, мы вскоре рассмотрим) предмет представлен в различных переживаниях различным образом. Один мой знакомый, бывший политзаключенный, рассказывал мне, насколько по-разному воспринимали разные обитатели концлагеря свое пребывание в нем, хотя внешне их условия были совершенно одинаковыми. Да и разве все мы не имеем тот или иной опыт «ошибок молодости», которые в зрелые годы воспринимаются с совсем иными чувствами. И дело не только в эмоциональной окраске. Масштаб мира стал совсем другим. Это прекрасно описано в знаменитом романе Марселя Пруста.

В свете проведенного анализа интервалов сознания возникает следующий вопрос. Если каждое переживание образует своеобразный микрокосм, сопоставимый со всей совокупностью жизни, если всякий предмет переживается всякий раз по-новому, как вообще мы можем говорить об этом предмете как об одном и том же? Это особенно важно для темы нашей статьи, так как в мире логического, в логическом мире, каждый предмет встречается только один раз.

Но если синтез то-же-самости все-таки удастся, то не остается ли в ней в скрытом виде возможность бесконечного разнообразия вариаций и индивидуализации? И как же эта возможность соотносится со вполне однозначным (в каком-то, еще требующем четкого описания) смысле? Не проявляются ли на уровне логического в каком-то виде те свойства переживания (и действия), которые мы уже достаточно описали, например ангажированность и эгоцентризм, а также готовность или эмергентность и другие, описанные нами?

Отвлечемся на некоторое время от всех конкретных структур переживания и действия, которые только что описаны нами и задумаемся над следующим вопросом. Как может наш анализ претендовать на что-то большее, чем просто-напросто психологическое описание собственного сознания и притом описание весьма произвольное, если рассматривать понятие интервала как способ группировки данных собственного сознания? Пусть даже путем анализа отчетов других лиц об их переживаниях, известных нам из повседневного опыта и литературных источников (не только из произведений художественной литературы, но и из журналистики и научных и околonaучных книг по психологии и т. п.), мы можем с некоторым основанием претендовать на описание не только собственного сознания. Не остается ли выделение интервалов сознания на уровне простого эвристического приема? Причем этот прием, даже если признать за

ним некоторое удобство и элемент новизны, как кажется, является существенно ограниченным, так как ведет нас в тупик исключительного субъективизма, из которого значимость науки и общезначимость повседневного языка никогда не может быть постигнута. Разве помимо воспоминаний о собственных переживаниях и рассказов других лиц мы не располагаем куда более надежными знаниями о мире, которые фиксированы в языке под названием народной мудрости и в виде научных учебников и монографий? От этого вопроса нельзя, разумеется, просто отмахнуться, и его выдвинет всякий, кто не согласится следовать нашим путем.

Чтобы преодолеть этот вопрос, мы должны, с одной стороны, осознать, каким путем мы вообще пришли к понятию интервала, а с другой стороны, через дальнейшее развертывание понятия открыть новые горизонты для объяснения и развития научного познания.

Первоначальный ответ на заданный вопрос может быть сформулирован следующим образом. Современная наука не дает нам никакого убедительного ответа на вопрос: что такое сознание? — ответа, который нас удовлетворил бы. Наблюдается огромное колебание концепций, одни из которых (бихевиоризм) вообще отрицают сознание как некоторую эфемерную иллюзию, другие сводят сознание к случайной игре образов внешнего мира, и все в целом противоречат друг другу. И можно ли, например, сколько-нибудь всерьез признать рассуждения Сеченова (пусть это и устаревший, но некогда весьма популярный образец) о том, что даже пошевелить мизинцем человек не может по собственному желанию? В конце концов, не отказываясь практически использовать те или иные оправдавшие себя знания, не свободны ли мы в том, чтобы отказать им в праве на окончательную истину о собственной судьбе, тем более, что никакой такой истиной они и не располагают? Тогда мы вправе непредвзято взглянуть на то, что нам дано непосредственно и с несомненной очевидностью.

Мы, таким образом, пришли к вопросу о методическом сомнении, впервые поставленному Декартом и развитому Гуссерлем в целый проект феноменологической философии. Гуссерль следует за Декартом и в какой-то момент расходится с ним. Мы же последуем за Гуссерлем и тоже в какой-то момент покинем его.

2. Критический анализ понятия логического у Гуссерля

Прежде всего необходимо указать на то, что исходным пунктом Гуссерля является тот же мир, который рисуют нам современная наука, здравый смысл и повседневный опыт, правда, с одной существенной оговоркой. Все истины этого мира оказываются «подвешенными», они описываются вместе с их претензиями на истинность, но без участия, без разделения ответственности за эти претензии, с нейтрализацией веры в реальное

существование вещей и веры в истинность положений науки и здравого смысла. Этот мир, подвергнутый указанной операции, Гуссерль характеризует как чисто мнимый, мир как феномен. Тем не менее, во-первых, Гуссерль исходит из готового, уже интерпретированного, мира с намерением оправдать, скорректировать или отвергнуть эти интерпретации. И, во-вторых, он систематически (хотя эта систематичность только декларируется, оставаясь бесконечной, никогда до конца не реализуемой идеей) подвергает его операциям редукции (эйдетической и трансцендентально-феноменологической), которая за готовыми, так или иначе данными предметами, видит их сущность и их трансцендентально-идеальный смысл.

Оба этих пункта оказываются у нас под подозрением. Гуссерль указывает, что его исследованием руководит некоторая идея, а именно идея о том, что в конце концов можно будет обнаружить принцип, которому готовая наука уже удовлетворяет, хотя и не владеет им выразительно. Как же в этой готовой науке Гуссерль предполагает обнаружить такой руководящий принцип? Гуссерль отмечает: «Нет все же никаких препятствий для того, чтобы *погрузиться* (*einleben*) в характер стремления и способ действия наук и таким образом добиться ясности и отчетливости в том, на что они, собственно, нацелены» (10).

При этом, однако, возникают, по крайней мере, два вопроса: 1) не создает ли операция редукции, несмотря на всю ее осторожность, вследствие ее громоздкости и искусственности, некоторого искажения того самого научного (и не только научного) усилия и 2) каким образом обеспечена сама возможность такого погружения?

Заметим, что развитая нами концепция интервала обеспечивает нам другой, более аутентичный путь. Мир как феномен разворачивается именно в виде интервалов сознания. Все, что мы только можем представить и помыслить, будет представлено и помыслено в рамках некоторого интервала сознания. В теоретическом припоминании интервалов сознания мы обнаруживаем, что это (дофилософское) сознание уже осуществило некоторую редукцию. Все, что дано в интервале сознания, дано как данность этого интервала, который непосредственно устанавливается как микрокосм. Все восприятия, мысли и вещи в этом теоретическом припоминании представлены в виде чистого *cogito*, все реальности реальны именно как принятые за реальные. Вся картина разворачивается в актах припоминания как чисто мнимый мир. Переживающий, поскольку он представлен в теоретическом припоминании интервала сознания (а интервал сознания дан только таким способом, простое (не теоретическое) припоминание некоторого переживания будет особым типом переживания — переживания воспоминания), ничего действительно не видит, не слышит, не воспринимает и не мыслит, а лишь представлен как что-то видящий, думающий и т. д. Таким образом, нам открывается путь к погружению в научное (и

не только научное) усилие. В свете этих исследований мы намерены не отменить, но скорректировать гуссерлевский проект. Нас интересует, как Гуссерль объясняет историческое становление культуры (включая науку и, в частности, геометрию как образец).

Геометрическая наука (как и всякое другое культурное образование) имеет свой исток в деятельности одного или нескольких первооткрывателей. «Именно идеальных предметностей, тематических в геометрии, и касается теперь наша проблема: как геометрическая (равно как и всех прочих наук) идеальность из своего изначального внутриличностного истока, в котором она представляет собой образования в пространстве сознания души первого изобретателя, достигает своей идеальной объективности?» (11). Мы можем развернуть и сформулировать на нашем языке этот гуссерлевский вопрос: во-первых, как для самого изобретателя открытие, произведенное в одном из интервалов сознания, становится равным самому себе и постоянным достоянием для самого изобретателя и, во-вторых, как оно становится достоянием других?

Вот гуссерлевский ответ на первую часть вопроса, включающий в себя уже приводившуюся цитату о роли воспоминания: «Изначальная актуальная самоналичность первого произведения в его исходной очевидности не дает вообще никакого стойкого достижения, могущего обладать объективным бытием. Живая очевидность, конечно, преходяща, так что активность тотчас переходит в пассивность текучего, поблекшего сознания только-что-случившегося. В конце концов эта “реализация” исчезает, но “исчезнувшее” преходящее и прошедшее не превращается для соответствующего субъекта в ничто, оно может быть вновь пробуждено к жизни. В пассивность сначала темного пробужденного содержания, становящегося при случае все более ясным, входит и возможная активность повторного воспоминания, в котором прошлое переживание как бы заново и активно переживается. Теперь там, где исходно очевидное произведение как чистое осуществление своей интенции есть обновленное (вновь-вспомненное), параллельно с активным вновь-воспоминанием прошлого с необходимостью вступает активность попутного действительного производства, и при этом в исходном “покрытии” возникает очевидность идентичности: впервые теперь осуществленное есть то же, что бывшее до этого очевидным. Попутно оказывается учрежденной способность произвольного повторения образования в цепи повторений при очевидности его тождества (покрытие тождества)» (12).

Ответ Гуссерля на вторую часть вопроса таков: путем выражения в языке и традирования, через которое сам язык и понимание этого выражения передаются от поколения к поколению.

Таким образом, для самого субъекта открытие становится постоянным достижением через итерированное воспоминание. Очевидно, что воз-

возможность воспоминания есть единственная, но фундаментальная возможность для интервала сознания стать чем-то отличным от себя самого. Как же нечто становится другим благодаря повторению?! Это становится ясным, если мы вспомним о свойстве предпосылочности интервала сознания. Путем воспоминания один и тот же интервал включается во все новые и новые контексты и утрачивает зависимость от ситуационного состояния субъекта, а его скрытые и само собой разумеющиеся предпосылки либо отменяются в качестве предпосылок, либо осознаются в качестве таковых. Через интересубъективизацию посредством выражения в языке и становящуюся таким образом понятность для любого образованного человека любого времени и любого народа геометрические достижения приобретают форму идеальной предметности, которая если от чего-то и зависит, то только от общих условий разумности вообще (априори Канта и Гуссерля).

Но тут нужно вспомнить, что открытие есть не переживание, но действие. Вернее, являясь по началу переживанием, оно становится действием и в качестве такового представимо как последовательность операций, осуществляемых по некоторому плану. Этот план и есть не что иное, как идея открытия.

Если мы рассмотрим конкретную работу любого исследователя, то обнаружим, что она представляет собой выдвижение и проверку различного рода идей.

Согласно нашему предшествующему анализу, идея как ядро всякого проекта не может быть ничем иным, как результатом переживания некоторого субъекта, не обязательно того, который эту идею реализует. И поскольку только переживание обладает смыслом, то смысл идеи раскрывается лишь в первичном переживании или в его реактивации субъектом переживания или другим лицом. Однако при этом возникает возможность использования идеи без реактивации ее смысла, а лишь путем прояснения того плана действия, который она содержит. Таким образом, общее свойство индекса интерпретации, которым обладает всякое действие, транслируется на уровень идеальной предметности науки. Гуссерль называет это обстоятельство сегментацией смысла. Как же можно преодолеть эту сегментацию? Послушаем Гуссерля. «Как — в связи с действительно колоссальным приростом такой науки, как геометрия, — обстоит дело с претензией и способностью к реактивируемости? Если каждый исследователь работает на своем месте в здании науки, как обстоит дело с перерывами в работе и на сон, который нельзя здесь выпускать из внимания? (Довольно ясный намек на интервальный характер сознания, но лишь намек. — В. М.) Должен ли он, если он делает актуальную передовую работу, сначала пробежать всю гигантскую цепь обоснований вплоть до перво-предпосылок и все это реактивировать? Ясно, что такая наука,

как наша современная геометрия, была бы в таком случае невозможна. И все же к сущности достижений каждой ступени относится то, что ее идеальный бытийный смысл является более поздним не только фактически, но и, учитывая, что смысл зиждется на смысле, более ранний смысл вручает что-то из значения позднешему, а известным образом и переходит в него; таким образом, ни одно звено в духовном строении не самостоятельно, ни одно не может быть непосредственно реактивировано» (13).

Приведем еще одну обширную цитату, содержащую ответ Гуссерля на вопрос о том, как при сформированных обстоятельствах остается возможной наука, а также постановку вопроса об области логики. «Здесь мы должны принять во внимание своеобразную, специфически связанную с языком “логическую” активность так же, как и специфически возникающие в ней идеальные познавательные образования. К любым в чисто пассивном понимании возникающим комбинациям предложений сущностно относится и своеобразная активность, которую лучше всего обозначает слово “прояснение”. Пассивно (или, например, наподобие воспоминания) возникающее или пассивно понятое при слушании предложение будет сперва лишь только воспринято в пассивном участии Я, признано действительным, и в этой форме оно уже будет нашим мнением. Мы отличаем от этого своеобразную и важную деятельность прояснения нашего мнения. Если оно являлось в первой своей форме едионерасчленным принятием, простым значащим смыслом, конкретно говоря, простым значащим высказыванием, то теперь эта нерасчленная смутность будет активно объяснена. Подумаем, например, о том, что когда при поверхностном чтении газеты мы понимаем и просто воспринимаем “новости”, то это сопровождается пассивным перенятием бытийного значения, посредством которого прочитанное заранее становится нашим мнением.

Особенностью здесь, как уже говорилось, являются интенция на объяснение и та активность, которая выделяет прочитанное (или какое-то интересное предложение из него), смысловые члены один за другим в их особенности из смутно пассивного и нерасчленно воспринятого и на базе отдельных значений по-новому приводят совокупное значение к активному существованию. Пассивный смысловой образ превращается в образ, формирующий себя в активном производстве. Таким образом, эта активность есть некоторая — и своеобразная — очевидность, некоторое образование, в ней возникшее в модусе изначальной произведенности. Также и по отношению к этой очевидности имеется некоторое объединение. Объясненное, проясненное суждение становится традируемой идеальной предметностью. Она есть то, что логика имеет в виду под предложениями или суждениями. И этим универсально обозначается область логики, сфера бытия, к которой относится логика, — в той мере, в какой она есть формальная теория предложения.

Посредством этой активности становятся теперь возможными другие активности, очевидностные формирования новых суждений на основе уже признанных. В этом — своеобразие логического мышления и его чисто логических очевидностей. Все это остается сохраненным и в превращении суждений в допущения, при котором мы вместо того, чтобы высказываться или судить, вдумываемся в высказывание, в суждение» (14).

Итак, Гуссерль определяет логическое как сферу бытия традируемых идеальных предметностей, полученных путем прояснения идеальных предметностей, когда-то первоначально открытых и ставших доступными путем выражения в языке.

Давайте проанализируем это определение. Открытие, первоначально бывшее сначала переживанием открывателя, а затем — через возникший в этом переживании проект — действием, становится доступным через выражение в языке. Но эта доступность носит двоякий характер. Один путь, в принципе реализуемый, но практически полностью не осуществленный, и даже практически не осуществимый, заключается в сопереживании первоначальной идее, приведшей к открытию. Другой путь, по которому фактически движется наука (и любое другое культурное образование), состоит в пассивном усвоении действий, образующих ту или иную идеальную предметность, и в дальнейшем прояснении результата, что позволяет избежать двусмысленного толкования. Этот путь осуществляется через традируемость. Передаваемые по традиции знания, хотя и лишены первоначального смысла, но, усвоенные путем обучения, позволяют обеспечить дальнейший прирост знания, вновь передаваемого по традиции. При этом знание выступает в форме признания, признанности.

В приведенной цитате Гуссерля понятие признанности выступает дважды. Во-первых, «пассивно понятое при слушании предложение будет сперва лишь воспринято в пассивном участии Я, признано действительным, и в этой форме оно уже будет нашим мнением». И, во-вторых, «посредством этой (логической. — *В. М.*) активности становятся возможными другие активности, очевидностные формирования новых суждений на основе уже признанных».

Мы обнаруживаем, что логическое неустранимым образом базируется на признанности.

Гуссерль далее не анализирует это понятие. Возможно, ему просто не хватило времени, ведь «Начало геометрии» — одна из самых поздних его работ. В следующем разделе мы попытаемся исследовать понятие признанности.

3. Признанность и Логос

Что же такое признанность? Давайте прежде всего рассмотрим, что это понятие означает, исходя из различных случаев его употребления, а затем выделим его сущность.

Мы говорим о признании художника или ученого коллегами и публикой, о признании преступника в своем преступлении или о признании влюбленного в своих чувствах. Что общего во всех этих случаях?

Признать научное открытие или научную теорию (которая также есть разновидность открытия) означает не просто формально согласиться с выводами ее автора, но подразумевает обязательство учитывать это открытие, исходя из него всякий раз, когда рассматриваемый нами предмет связан с признанным нами открытием. Путем признания научная теория входит в общий корпус традируемого знания. Признать открытие означает не просто понять сообщение, в котором оно выступает, но и сделать его частью своего научного горизонта, развить в себе соответствующую готовность. Таким образом, признанное есть нечто большее, чем указанная Гуссерлем пассивно воспринятая, пусть и проясненная совокупность суждений.

Не означает ли признание художника не что иное, как развитие в себе способности активного сопереживания, способности смотреть на мир его глазами?

Признание преступника в содеянном означает готовность принять на себя ответственность за преступление. Да и признание в любви есть не просто отчет о своих чувствах, но и представление их на суд того лица, к которому они относятся, и готовность отвечать за них и сделать их основой своего поведения. Такое признание другому лицу подразумевает, что человек сам себе его уже сделал.

Итак, признанность подразумевает ответственное соучастие.

Как мы уже видим, признанное суждение не есть результат логических размышлений, хотя процесс признания и сопровождается прояснением. Напротив — через признание — суждение становится частью логического как сферы бытия традируемых идеальных предметностей. Признание не логично, хотя логические размышления и могут участвовать в его образовании.

Логика есть способ путешествования по признанному миру, а если говорить точнее, она есть действие на почве этого мира.

Логику (не как науку, а как способ размышлять) можно уподобить транспортному средству, которое может доставить нас только к тому месту, куда уже проложены дороги. Любое открытие не логично (хотя в той или иной степени базируется на логике), так оно возникает лишь в эмергентной спонтанности переживания, а не в голой последовательности действия. Поэтому логика есть структура готового знания.

Однако в отличие от геометрии, ее аксиом, понятий и результатов не всякое признанное является общепризнанным. Тот или иной человек может не признавать целой сферы культуры, например музыки или поэзии. Религиозный фанатик не признает свободы вероисповедания. Классовая или партийная борьба, борьба научных школ — все это реальности общественного бытия. Вопрос признавать или не признавать те или иные концепции, ценности, нормы поведения является столь же драматичным, как и гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Потому что «быть» всегда означает «быть кем-то», выбрать одну из возможных позиций по отношению к альтернативам, каждая из которых так или иначе признана какой-то группой людей.

Можно ли считать все это не имеющей значения случайностью, некоторой превратностью, которая в конце концов будет окончательно снята в ходе дальнейшего исторического развития? Ответ на этот вопрос предопределен, если мы учтем фундаментальную оппозицию «переживание — действие»: сущность любого действия — основанность на решении, на выборе пути.

Бытие на уровне логического расколота — невозможно убедить другого в каком-то выводе, если он базируется на положениях, которые этот другой не признает. Изменить убеждения (а убеждения есть не что иное, как некоторый регион признанности) может только переживание. Поэтому устаревшие предрассудки могут быть только изжиты. Как справедливо заметил Кун, старая парадигма (а парадигма есть еще одна разновидность признанности) умирает вместе со своими адептами.

Прежде чем перейти к дальнейшему анализу понятия признанности, рассмотрим еще ряд важнейших примеров, в которых это понятие оказывается ключевым.

Рассмотрим феномен государственной власти. Вспомним аргумент Блеза Паскаля в пользу монархического государственного устройства. В республике, согласно ее понятию, должен править умнейший. Но каждый считает себя самым умным, и это ведет к анархии. В королевстве королем будет старший сын короля (что ведет, правда, к некоторому неудобству, если у короля нет сына). Конечно, добавим мы от себя, какой-нибудь сумасшедший может вообразить себя сыном короля, но ему будет очень трудно убедить в этом других. Вместе с тем такое правило определения короля (мы, конечно, его сознательно упрощаем в целях наглядности) требует уверенности в отсутствии фальсификаций, и королева вынуждена рожать под общественным присмотром. Но как бы ни была велика власть монарха, она покоится на признанности. Даже если нет сомнений в его соответствии указанному правилу, подданные могут не признавать его указаний, если эти указания противоречат их представлениям о справедливой королевской власти. Хотя Нерон и не был королем, а лишь

принцепсом, он был признан в качестве главы государства. Тем не менее его советники опасались (к сожалению, ошибочно), что армия не будет подчиняться принцепсу, запятнавшему себя кровью собственной матери.

В демократическом государстве глава (президент или другое первое лицо) избирается гражданами. И вновь вся система основана на признании выборов в качестве средства установления легитимной и эффективной власти.

Другой пример дает нам суд присяжных, основанный на признании подсудимого преступником коллегией присяжных. Аналогичная процедура используется, кстати, и при присуждении научной степени. Как сказал однажды Гильберт, математика есть то, что под этим подразумевают компетентные люди. И точно так же ученым считается тот, кого принимают за ученого другие ученые.

Во всех этих случаях без признанности не обойтись. Давайте задумаемся еще раз над всеми этими примерами. Что в них общего? Прежде всего признанность есть ответственный выбор. Акт признания возникает в результате некоторого переживания как решимость, готовность исходить из положения дел, помысленного, проясненного и прочувствованного в ходе этого переживания. Мы, в принципе, можем, а иногда и должны, вернуться к этому переживанию, реактивировать его, чтобы вернуть признанности ее изначальную жизненную силу.

Признанность — это возобновляемый выбор, возникший в ходе некоторого переживания, которое благодаря сделанному выбору стало событием. Событием личной жизни, если это выбор профессии или супруги, событием общественной жизни, если это выбор государственного лидера или общественного устройства.

И это не пустые слова. Когда один большевистский лидер местного значения в эпоху перестройки заявил, что ему «надоело каяться», он обнажил тем самым всю пропасть лицемерия, свойственного ему и его соратникам. Ибо покаяние не есть чисто формальное заявление, а готовность, если необходимо, и пострадать за свои деяния. Поэтому Джордано Бруно, какова бы ни была его реальная историческая роль, остается символом ответственности ученого. Никакая наука не гарантирует истины, наоборот, единственно возможной гарантией является ответственность ученого, по крайней мере за выбор науки в качестве своего жизненного поприща. Голые ссылки на научность, самые катастрофические последствия которых испытали на себе люди современной эпохи, являются лишь способом уйти от ответственности.

Итак, признанность — это переживание, ставшее событием. И вся история есть не что иное, как цепь событий. (Таким событием было, кстати, и открытие геометрии.)

Логическое, таким образом, вовсе не тождественно историческому, как

полагал Гегель, а принципиально отличается от него. Логическое возможно только на основе признанности, которая есть не что иное, как сама сущность исторического.

Гуссерль в своих поздних работах пришел к понятию признанности, но не смог или не успел оценить его истинное значение. Это предстоит сделать нам.

Конечно, данная работа — только первый шаг на пути разработки понятия признанности. Необходимо исследовать его структуру по крайней мере с той степенью полноты, с которой мы исследовали понятия переживания и действия, а также на основе такого исследования дать анализ более специальных форм, в которых признанность выступает в различных своих проявлениях.

¹ Мелас В. Б. Переживание и действие // Очерки феноменологической философии / Под ред. Я. А. Слинина, Б. В. Маркова. СПб., 1997.

² Гуссерль Э. Начало геометрии / Введение Жака Дорица. М., 1996. С. 219.

³ Там же.

⁴ Мелас В. Б. Переживание и действие. С. 158.

⁵ Schutz F. Collected Papers. In 3v. I. The Problem of Social Reality. The Hague; Boston; London, 1962.

⁶ Гадамер Х. Г. Истина и метод. М., 1988.

⁷ Там же.

⁸ Мелас В. Б. Переживание и действие. С. 154–207.

⁹ Heidegger M. History of Concept of Time. Bloomington, 1992.

¹⁰ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 60.

¹¹ Гуссерль Э. Начало геометрии. С. 216.

¹² Там же. С. 219.

¹³ Там же. С. 223.

¹⁴ Там же. С. 225–226.
